

МОТИВАЦИЯ К ТРУДУ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ

А.В. Герасимов (Бийск)

Аннотация. Рассматриваются побудительно-мотивационные аспекты поведения и деятельности человека в контексте теории психологических систем (В.Е. Ключко). Прослеживается связь между существующими социальными потребностями и содержательными характеристиками мотивационных побуждений субъекта к труду.

Ключевые слова: системно-синергетический подход, социальные потребности, мотивация.

Основным содержательным смещением в постклассической психологии является парадигмальное представление о том, что психика как феноменальное явление не может изучаться вне рассмотрения ее носителя – человека [1, 2, 6, 10]. Причем в данном случае человек может быть представлен как некая система, обладающая такими качествами, которые определяют психику не просто как инструмент или фактор приспособления субъекта к требованиям среды. В контексте такого подхода психика перестает быть отражающей и становится порождающей.

Эти представления в своей логической последовательности вытекают из рассмотрения человека как неравновесной, трансцендентальной, открытой системы, основными содержательными характеристиками которой являются самоорганизация, самодетерминация, самореализация и самоактуализация. Нужно заметить, что фундаментальное значение при рассмотрении свойств человека в такой функционально-синергетической парадигме приобретает свойство неравновесности, которое зачастую уходит на второй план, как бы затеняясь попытками отыскать «человеческое в человеке». На самом деле, по-видимому, достаточно большое количество человеческих качеств и свойств может быть выведено именно из этого системного свойства. При этом следует учитывать, что неравновесность человека, как и неравновесность любой другой живой системы, существует и реализуется как стремление системы сохранить эту неравновесность, т.е. свою целостность. Таким образом, именно стремление к неравновесности и может быть представлено как основной побудительный фактор, делающий такую систему предвзятой, субъективной, «страстной», по терминологии В.П. Зинченко [5], т.е. желающей.

В таком контексте фундаментально важное значение приобретает исследование побудительно-мотивационных аспектов поведения и деятельности человека, которые выступают как некие психологические составляющие, являясь одним из условий неравновесности. Вместе с тем, по-видимому, нужно учитывать, что человек должен существовать как особая система, имеющая свои особые аспекты проявления общесистемных свойств. Такая особость определяется присутствием особенных свойств живых систем вообще, одним из которых является возможность возникновения переживания, отражающего актуальное состояние системы. Здесь, видимо, следует согласиться с представлениями С.Л. Рубинштейна, который считал данное свойство основной, или ба-

зовой, единицей психики. У человека способность к такому переживанию приобретает особый содержательный аспект, выражающийся в возможности осознания субъектом возникающих состояний.

Такое осознание, очевидно, может существовать как осознание факта возникновения состояния и как каузальное атрибутирование этого состояния, частным видом которого является опредмечивание. Понятно, что это положение может существовать как базовое допущение, относящееся и к побудительным аспектам функционирования человека как неравновесной системы. Это означает, что рассмотрение потребностно-мотивационных аспектов деятельности субъекта должно начинаться с признания наличия первичного побуждающего переживания, которое чаще всего в литературе, посвященной данному психологическому феномену, называется нуждой [4, 8]. Осознаваемая и опредмеченная нужда становится потребностью. Принято считать, что потребности могут выступать как побудитель активности и деятельности человека. Вместе с тем существует проблема, когда, в каких случаях и как именно потребность может существовать в качестве побудителя.

Теоретическим истоком решения этой проблемы чаще всего выступает положение А.Н. Леонтьева [8] о деятельности как факторе, определяющем процесс содержательно-предметной конкретизации потребности, когда встреченный субъектом в рамках реализации им собственной активности предмет становится, закрепляется и существует как «действительный мотив» и может осознаваться как цель деятельности. Однако в рамках синергетического подхода таким образом описанный процесс опредмечивания может быть лишь частным случаем.

Функционирование человека как диссипативной и трансцендентальной системы, наделенной сознанием, которое в своей функциональной составляющей существует и как возможность произвольного выбора субъектом исходов своего развития и, следовательно, целей своей активности, порождает проблему факторов, определяющих такие выборы. Причем эти факторы не обязательно будут внешним образом обусловлены.

Опредмечивание и целевое осознание потребности в контексте теории психологических систем [6] может быть реализовано на уровне гомеостатического взаимодействия человека с внесистемным пространством, когда человек в рамках своей активности наталкивается на предмет, соответствующий состоянию нужды, и это может быть

принято как начальный этап формирования потребностно-мотивационной сферы субъекта. Но этот процесс может быть реализован на более высоком уровне – гомеореа, когда опредмечивание потребности определяется влиянием содержания самой потребности, т.е. смыслами, ею порождаемыми. Кроме того, еще С.Л. Рубинштейном замечено свойство человека продуцировать деятельность, «выходящую за пределы той, которая непосредственно служит удовлетворению наличных потребностей» [9, С. 524]. Это означает, что опредмечивание и осознание потребностей может существовать как гетеростаз, как порождение новых потребностей, определяющих уже процесс самоактуализации человека.

Таким образом, можно прийти к выводу о правомерности теоретического подхода, положенного в основу нашего исследования и предполагающего, что потребности могут определять поведение субъекта только будучи осознанными, т.е. представленными в сознании. Причем если рассматривать потребность как некий побудительный исток, определяющий своей содержательной спецификой характер и направленность поведения и деятельности субъекта, то социальное взаимодействие, которым в конечном счете является любая деятельность, должно определяться специальными, т.е. социальными потребностями [3].

Ими могут быть потребности в защищенности, в популярности, в положительных и социально-одобряемых результатах деятельности, потребность жить для другого, потребность в самодостаточности и др., которые и определяют смысл человеческого существования и межличностного взаимодействия.

Потребность в защищенности существует как описанная Маслоу потребностью в любви и принятии, основным содержанием которой является стремление субъекта к тому, чтобы его принимали таким, какой он есть.

Потребность в популярности чаще всего существует как потребность быть принимаемым группой, занимать в ней высокий социально-психологический статус.

Потребность в положительных социально одобряемых результатах деятельности выражается в стремлении человека к тому, чтобы результаты его активности были замечены другими и вызвали, по крайней мере, доброжелательное удивление.

Потребность жить для другого лежит в основе альтруистической активности человека.

Потребность в самодостаточности выражается в стремлении человека к самопринятию, однако содержащему в себе тенденцию к самосовершенствованию и самоактуализации.

Эти потребности довольно часто называют базовыми, поскольку их удовлетворение может существенным образом определять характер развития личности субъекта через возникновение их смысловой и иерархической смещенности [3].

Однако следует помнить, что не само по себе наличие потребностей, а именно представленность их в со-

знании должна определять человеческое поведение, его взаимодействие с другими людьми и деятельность. Поэтому определяющим моментом в понимании поведения другого человека должно быть представление о том, как именно в его сознании опредмечена потребность, насколько интенсивно она им переживается. Это важно потому, что именно содержательные характеристики осознанной потребности могут выступать одним из факторов самодетерминации активности человека, переживаясь им как смыслы и определяя селективное отношение к влияниям внешней среды, т.е. определяя степень открытости человека как системы.

В синергетике одним из системных свойств является возможность возникновения структурных отношений между элементами, составляющими эту систему. Достаточно часто сами элементы лишь содержат в себе тенденцию к объединению и могут объединяться различными способами, порождая многообразие функциональных предназначенностей системы. Это означает, применительно к потребностно-мотивационному аспекту существования человека, многозначность опредмечивания, когда одна и та же потребность может быть удовлетворена различными способами и за счет разных предметов. В этой связи возникают две проблемы: какие именно мотивационно-целевые аспекты закрепляются за данной потребностью и как именно осуществляется выбор.

В каком-то смысле исходной в решении этой проблемы может быть позиция, по которой «каждый элемент должен соотноситься с системой и включаться в её функционирование» [7, С. 130]. Это означает, что потребность в полной мере не может определяться деятельностью, наполняясь её содержанием. Характер опредмечивания её и превращение в мотив опосредуются переживанием момента её удовлетворения, порождающего как смысл активности субъекта, так и смысл произведенного ею результата.

В этой связи можно предположить, что смысловые, или содержательные, характеристики потребности будут в какой-то степени тождественны смыслосодержащим характеристикам мотивов, т.е. порождать их. Такое положение дел присоединяет к мотиву момент побуждающего переживания и превращает мотив, в его индивидуальном воплощении, в мотивационное отношение, существующее как определяющееся наличием, содержанием и интенсивностью переживания потребности переживание ценности цели. В этом состоит одно из воплощений селективной функции потребностей, когда содержание потребности определяет ценность цели, а через это и ценность информации о возможности ее достижения.

Исходя из этого, в нашем исследовании мы попытались выяснить существование возможной смысловой тождественности определенных содержательных мотивационных отношений и базовых социальных потребностей.

Эти мотивационные отношения могут быть реализованы, по крайней мере, в четырех содержательных

плоскостях, или смысловых векторах: 1) как мотивационные отношения субъекта к ситуации существования, например к экономической; 2) как мотивационно-ценностное отношение субъекта к самому себе; 3) как оценочное отношение к результатам деятельности или к перспективе получения таких результатов, определяемое отношением к нему других людей и, следовательно, мерой актуальности потребности в положительных социально одобряемых результатах деятельности, с одной стороны, а с другой – мерой удовлетворения материальных потребностей и стремлением субъекта к определенному уровню материального благосостояния; 4) как мотивационное отношение к другим людям.

Вместе с тем мотивационно-ценностное отношение в его побудительной части должно осознаваться как мера ценности цели, определяемой актуальной потребностью и, выстраивая ценностные веса информации, необходимой для достижения цели, как бы шкалировать эти мотивационные отношения по степени значимости их для субъекта.

В этой связи в качестве измерительного инструментария в нашем исследовании было применено определение ценности информации через её прогностичность как меру влияния на принятие субъектом решения о достижимости цели.

В теории информации мера её ценности определяется по формуле

$$V_i = \log_2 P^{in} / P^n, \quad (1)$$

где: P^{in} – вероятность достижения цели при получении информации; P^n – вероятность достижения цели без нее.

Понятно, что и в этом случае основным регуляторным аспектом является момент осознания, т.е. презентация в сознании данных мер ценностей, которые, по видимому, существуют как две оценочные позиции: 1) P^n может быть интерпретировано субъектом как его базовые возможности вне их соотносительности с конкретной ситуацией – это то, что он считает возможным для себя и на что он вообще способен, каков он как деятель; 2) P^{in} существует в его сознании как информация о вероятностной соотносительности этих возможностей с характеристиками среды, с условиями и требованиями деятельности, оценками других людей. Фактически это информация, характер которой определяет оценочную позицию субъекта и обеспечивает ему принятие решения о том, нужно ли действовать и как именно.

Таким образом, мотивационное отношение может быть представлено как некоторая селективная тенденция, определяемая наличной потребностью и существующая как некоторое смысловое предпочтение, реализуемое в том или ином выборе ценности целей, осуществляемом испытуемым. Это означает, что, применяя формулу (1), мы можем придать количественное значение предпочитаемым субъектом выборам и определить меру ценности каждого мотивационного отношения, которое

побуждает его к той или иной деятельности. Понятно, что такая тенденциозность будет зависеть от содержания и актуальности той деятельности, в которой человек реализуется как субъект этой деятельности. Таким образом, мы можем определить некоторое числовое выражение мотивационных предпочтений субъекта и меру связей между ними, т.е. описать иерархию мотивов субъекта.

Для проверки этого предположения мы выбрали трудовую деятельность, преследуя в том числе и практические цели, в связи с тем, что в случае удачной методики количественного выражения характерных для субъекта или для группы лиц мотивационных предпочтений может быть применена на практике для реализации поощряющих влияний руководителя на деятельность персонала. Планируя эксперимент, мы предполагали, что содержание мотивационных отношений будет определяться в данном случае влиянием потребности в положительных социально одобряемых результатах деятельности, потребности в популярности, потребности жить для другого и потребности в самоактуализации. Поэтому предположительными группами мотивационных отношений были следующие: (ОкС) – отношение к себе; (ОЛ) – отношение к другим людям, сопряженная с этой категорией (ПСР) – наиболее значимый для субъекта способ поощрения, связанный с предпочтением материального или морального стимулирования труда, и относящаяся к этой же смысловой группе категория (ООТ) – отношение к оплате труда; (ОП) – отношение к предпринятию как мера осознания того, что актуальная потребность может быть реализована лишь в рамках уже сложившихся межличностных отношений; (ОР) – отношение к работе как к возможности самореализации, сопряженная с ней (ОУТ) – отношение к условиям труда. Особой группой мотивационно-ценностных отношений была группа (ОЭС) – отношение к экономической ситуации, которую мы ввели в связи с тем, что в рамках синергетического подхода к проблеме мотивации содержание жизненной ситуации, в том числе и экономической, само по себе не определяет мотивационных предпочтений, но может служить фактором, косвенно опосредующим их каузальную атрибутивность мотивационных предпочтений.

Каждая из этих групп состояла из некоторого набора утверждений, выражающих её содержательно-смысловую сущность (по 12 утверждений в каждой группе). Суть диагностической процедуры состояла в организации процесса выбора и ранжирования испытуемым утверждений, которые были предпочтительными для него, т.е. имели положительное смысловое значение или отвергались им, т.е. имели отрицательное смысловое значение. Мера ценности определялась как логарифм отношения величины вероятности фактического выбора к величине вероятности равнозначного выбора. По каждой группе вычислялась средняя ценность как мера тенденциозности выбора, т.е. как ценностный вес данной

Ценностные веса мотивационно-оценочных групп

Оценочные группы	ОЭС	ОЛ	ОКС	ОР	ОУТ	ООТ	ПТМ	ОП
Усредненные ценности	-0,003	+0,089	+0,151	-0,031	+0,203	-0,173	+0,017	-0,004

мотивационно-оценочной группы. Для анализа полученных результатов важны были как величина средней арифметической, так и ее знак. Если средняя арифметическая величина ценности группы была положительной, это означало, что утверждения, помещенные в указанную категорию, расценивались испытуемыми со смещением в положительную сторону, т.е. чаще как положительно значимые. Если средняя величина получалась со знаком «-», это обозначало противоположную оценочную тенденцию. Результаты такой обработки экспериментального материала представлены в таблице.

Специфика трудовой деятельности состоит, по нашему мнению, в том, что содержание труда, кроме удовлетворения материальных потребностей, предполагает, по-видимому, и удовлетворение потребности в самодостаточности и в творчестве, поскольку в конечном итоге сущность человека может проявляться в результатах труда и в характере взаимодействия субъекта с другими людьми. В этой связи можно было бы предположить, что наибольшую ценность для испытуемых должна представлять та группа мотивационно-ценностных предпочтений, которая связана с характером и условиями труда. Анализ экспериментального материала позволяет говорить о правомерности такого утверждения. Именно группа утверждений (ОУТ) – «Отношение к условиям труда» – имеет наивысшую положительную ценность: +0,203 (см. таблицу). Величина ценностного смещения статистически достоверна. F-критерий Фишера равен 2,046 и статистически значим при $p < 0,05$. При этом для испытуемых максимальную ценность составили утверждения: «Предпочитаю работать самостоятельно, не зависеть ни от кого» (ценностный вес равен 4,858); «Мне нравится работать с людьми, постоянное общение с ними» (ценностный вес равен 4,664); «Предпочитаю фиксированный график работы – работать от звонка до звонка, отводя остальное время другим делам» (ценностный вес равен 2,700). При этом первое и третье утверждения могут быть оценены как смысловое влияние потребности в самореализации и творчестве, а второе – как осознание того факта, что потребность в положительных и социально одобряемых результатах деятельности не может быть реализована вне взаимодействия субъекта с другими людьми.

Эта потребность в конечном счете существует как индикатор отношения других к субъекту, и процесс развития личности может трансформироваться и существовать как характер отношения человека к самому себе. В этой связи можно было бы предположить наличие положительной оценочной тенденции в группе мотивационных отношений (ОКС) – «Отношение к самому себе». Анализ статистического материала подтверждает пра-

вомерность такого предположения. Ценность утверждений, составляющих данную группу, равна +0,151. Величина ценностного смещения статистически достоверна. F-критерий Фишера равен 1,95 и статистически значим при $p < 0,05$. При этом для испытуемых наибольшую ценность составили те утверждения, от реализации которых в максимальной степени зависит эффективность трудовой деятельности: «Я человек активный, и это помогает мне жить» (ценностный вес равен 2,523), несколько меньший ценностный вес (1,986) имеет утверждение «Я люблю побеждать».

Понятно, что трудовая деятельность как процесс одностороннего взаимодействия с другими людьми в своей результирующей составляющей имеет в разные периоды жизни разную степень значимости для субъекта, но её результативность у взрослого человека все-таки порождает особое самооценочное смещение, которое выражается в появлении оценочного утверждения: «Я часто осуждаю себя за какие-либо поступки» (ценностный вес равен 1,401) и которое со всей очевидностью является ситуативным осознанием им наличия потребности в положительных и социально одобряемых результатах деятельности.

Такая логика осознания субъектом влияния актуальной потребности на его оценочно-смысловые предпочтения подтверждается и ценностными смещениями, проявившимися у наших испытуемых в том случае, когда они работали с ценностными суждениями группы (ОЛ) – «Мое отношение к людям и отношение других ко мне». Эта группа оценочных суждений составлена из возможных смысловых осознаний субъектом потребности жить для другого. Реализация этой потребности, по-видимому, в наибольшей мере определяет оценочные отношения других к субъекту, поскольку испытуемые демонстрируют особую чувствительность к положительной или отрицательной модальности таких нагруженных моральной оценкой суждений. Поэтому в конечном итоге выявилось лишь незначительное смещение оценок утверждений данной категории в положительную сторону (+0,89). Это свидетельствует о том, что испытуемые одинаково максимально значимо оценивали и положительные, и отрицательные суждения.

При этом наибольший ценностный вес получили утверждения: «Считаю, что нормальный человек помогает другим бескорыстно» (5,385); «Я всегда, когда этого требует ситуация, помогаю другим людям» (4,285).

Понятно, что оценочные предпочтения субъекта могут определяться совокупным влиянием нескольких потребностей. Это проявилось, например, в величине оценочного веса утверждения «Если люди одобряют мою

работу, восхищаются мною и моими поступками, то это как бы меня подстегивает, вдохновляет» (4,087). Оценочная тенденциозность испытуемых в этом случае может определяться влиянием двух потребностей – потребности в принятии и потребности в положительных и социально одобряемых результатах деятельности.

Конечно, как любое сложное свойство системы, потребности сами подвержены оценке субъекта с точки зрения их личностной значимости и в этом случае могут составлять некоторую ценностную иерархию. Может быть, именно поэтому наименьшие и при этом отрицательные смысловые веса наши испытуемые при-

писывают утверждениям, относящимся к группам материально-экономического блока: (ООТ) – отношение к оплате труда (величина оценочного смещения равна – 0,173); (ОЭС) – отношение к экономической ситуации (величина оценочного смещения равна – 0,03); (ОП) – отношение к коллективу и предприятию (величина оценочного смещения равна – 0,04).

Таким образом, результаты предпринятого нами исследования подтверждают наличие влияния смысловых составляющих потребностей на мотивационное отношение субъекта к различным модальностям своего существования, реализуемого в его труде.

Литература

1. Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.: Ин-т практ. психол., 1987.
2. Братусь Б.С. К проблемам человека в психологии // Вопр. психологии. 1997. № 5. С. 3–19.
3. Герасимов В.П. Личность как продукт научения // Экспериментально-теоретические аспекты индивидуализации учебно-воспитательного процесса. Бийск: НИЦ БйГПИ, 1997. С. 90–106.
4. Давыдов В.В. Новый подход к пониманию структуры и содержания деятельности // Психологический журнал. 1998. Т. 19, № 6. С. 20–27.
5. Зинченко В.П. М. Мамардашвили открывает Декарта психологам: Встреча с Декартом: Философские чтения, посвященные М.К. Мамардашвили. М.: Ad Marginem, 1996. С. 269–300.
6. Клочко В.Е. Человек как психологическая система // Сибирский психологический журнал. 1996. Вып. 2. С. 7–18.
7. Клочко В.Е. Психосинергетика: новый взгляд на старые проблемы: Психологическая диагностика в образовательной практике. Барнаул, 2000. С. 3–8.
8. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
9. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер Ком, 1998. 688 с.
10. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Антропологический принцип в психологии развития // Вопр. психологии. 1998. № 6. С. 3–17.

LABOR MOTIVATION IN THE PSYCHOLOGICAL SYSTEMS THEORY CONTEXT

A.V. Gerasimov (Biysk)

Summary. The article describes the problem of motivation of men's behavior and activity in the psychological systems theory context (V.E. Klotchko). The article deals with existing social needs and men's substantial incentives to labor.

Key words: system-synergetic theory, social needs, motivation.